

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А. Е. Шаститко¹,

МГУ имени М. В. Ломоносова / РАНХиГС (Москва, Россия)

ОТ АКТУАЛЬНОСТИ К ВОСТРЕБОВАННОСТИ?

К 200-летию со дня рождения Карла Маркса

В данной статье предлагается обзор некоторых идей Карла Маркса в контексте последующего развития в XX — начале XXI в. новой институциональной экономической теории. Обсуждены различные аспекты единства исторического и логического в «Капитале» Маркса в свете различных вариантов совмещения исторического и теоретического в экономических исследованиях, включая новую экономическую историю. Рассмотрены вопросы взаимосвязей между проблемами импорта и трансплантации институтов и экспорта производственных отношений, а также взаимодействия институтов и технологий, но в контексте противоречия между производительными силами и производственными отношениями; возможных параллелей между первоначальными представлениями о транзакционных издержках и подходом к исследованию издержек обращения во втором томе «Капитале» Маркса. Обсуждается фундаментальный вопрос о всеобщем законе капиталистического накопления в контексте двух ключевых аспектов институтов — координационных и распределительных.

Ключевые слова: историческое, логическое, производственные отношения, производительные силы, институты, транзакционные издержки, импорт.

FROM RELEVANT TO IN DEMAND?

On Karl Marx 200th anniversary

The article offers a survey of some of the ideas of Karl Marx in the context of the subsequent development of the new institutional economic theory in the 20th — early 21st centuries. It discusses various aspects of the unity of the historical and the logical in Marx's Capital in the light of various ways of combining the historical and the theoretical in economic research, including a new economic history. The article considers the issues of the linkages between the problems of import and transplantation of institutes and the export of production relations, as well as the interaction of institutes and technologies, but in the context of the contradiction between productive forces and production relations, and possible parallels between the initial

¹ Шаститко Андрей Евгеньевич, д.э.н., профессор, завкафедрой конкурентной и промышленной политики экономического факультета МГУ, директор Центра исследований конкуренции и экономического регулирования РАНХиГС при Президенте РФ; e-mail: aes99@yandex.ru

ideas of transaction costs and costs of circulation in the second volume of Marx's Capital. It discusses the fundamental question of the absolute law of capital accumulation in the context of two key aspects of institutes — coordination and distribution.

Key words: historical, logical, production relations, productive forces, institutions, transaction cost, import of institutions.

Введение

Для каждого периода истории после публикации работ Карла Маркса, в ряду которых «Капитал» занимает, безусловно, первое место, есть свой Карл Маркс. Во многом это объясняется, с одной стороны, влиянием его работ на многие поколения исследователей и политиков, а с другой — развитием теорий, в которых можно обнаружить в явном или скрытом виде идеи и концепции, представленные суду читателей многими десятилетиями раньше. Разумеется, внимание к творческому наследию Маркса предсказуемо ослабло в конце XX — начале XXI в. В первую очередь это связано с масштабным провалом социалистического проекта в том виде, в котором его пытались реализовать в СССР и многих других странах. Причем здесь не имеет значения, соответствовали эти проекты представлениям автора «Капитала» о будущем или нет.

Вместе с тем многие идеи, сформулированные Карлом Марксом, в той или иной форме возвращаются, а общий интерес к его наследию подает явные признаки восстановления, в том числе в России. И дело не в том, что его основной труд — «Капитал» — признан ЮНЕСКО памятником всемирного документального наследия и включен в 2013 г. в реестр «Память мира», хотя это обстоятельство тоже имеет значение. И даже не в том, что на полках книжных магазинов в России после многолетнего перерыва появились вновь изданные работы Карла Маркса, что свидетельствует о признании их относящимися к категории экономической классики (так же как и произведения Адама Смита, Давида Рикардо, Альфреда Маршалла, Артура Пигу, Джона Мейнарда Кейнса и других видных экономистов прошлого).

Существенно более важным моментом является то, что события последнего десятилетия, начиная с кризиса 2007—2008 гг., заставляют вновь и вновь говорить если и не о точности целостного отображения законов движения капиталистического общества даже через 150 лет после выхода первого тома «Капитала» (1867), то о тех наблюдениях, которые указывают на очевидные параллели, ранее казавшиеся невидимыми и невозможными. Причем это относится как собственно к наблюдаемым событиям, так и к развитию теории во второй половине XX — начале XXI в.

В числе потенциально востребованных концепций — взаимодействие производительных сил и производственных отношений — классической

для марксизма «пары», используемой для объяснения экономической динамики; соотношение теории и истории; идея о невозможности экспорта (импорта) производственных отношений; о возникновении исключительных прав; о транзакционных издержках и многое другое. Безусловно, один из важнейших вопросов, которые активно обсуждаются исследователями, работающими с творческим наследием Маркса, — проблема неравенства, которая нашла отражение в формулировке всеобщего закона капиталистического накопления и которая в результате широкого обсуждения работы Томаса Пикетти [Пикетти, 2015], вероятно, повлияла и на усиление интереса к творческому наследию Маркса во втором десятилетии XXI в.

Разумеется, данный список можно было бы продолжать. Наверное, специалисты в самых разных областях экономических исследований без труда нашли бы, как отметить вклад Маркса в исследования (в том числе в тех случаях, когда этот вклад, по мнению современных исследователей, был основан на заблуждениях или ошибочных оценках). Вместе с тем существуют аспекты теории Маркса, которые вряд ли кем-то могут быть воспроизведены в силу уникальности, масштабности, а также изменений в объекте и предмете исследований. В первую очередь речь идет о применении метода исследования в форме движения от конкретного чувственного к абстрактному и последующего восхождения от абстрактного к конкретному духовному.

В данной статье, ни в коей мере не претендуя на полноту и детализированность, предлагается обзор некоторых идей Карла Маркса из разных работ в контексте более позднего развития теории и практики (в частности, институциональных изменений). Отголоски работ Карла Маркса можно обнаружить в современных дискуссиях даже без упоминания концепций и имени великого экономиста, в том числе в контексте исследований с применением инструментария новой институциональной экономической теории. В СССР, особенно во второй половине XX в., шли бурные дискуссии как в части интерпретации, так и в части развития идей Маркса (в том числе в МГУ имени М. В. Ломоносова). Помня об исследователях того времени — Э. В. Ильенкове, И. И. Кузьминове, К. П. Троневе, Н. А. Цаголове, Н. В. Хессине, Г. Н. Худокормове, В. П. Шкредове и других, — отметим, что их вклад в осмысление наследия Маркса заслуживает отдельного обсуждения и не входит в предмет данной работы.

Данная оговорка, которая очень часто встречается в работах, посвященных обсуждению сложных и масштабных вопросов, в данном случае особенно уместна, поскольку трудно в истории экономической мысли найти исследователя, наследие которого привело к такому количеству интерпретаций и вызвало такое количество споров, как теория Маркса. Не случайно Марк Блауг — один из выдающихся историков экономических учений — отмечал: «Маркс подвергался переоценке, пересматривался, опровергался, его хоронили тысячекратно, но он сопротивляется

всякий раз, когда его пытаются отослать в интеллектуальное прошлое... по-прежнему поднимается кровавое давление, как только Маркс становится предметом исследования» [Блауг, 1994, с. 207].

В первом параграфе будет рассмотрен методологический вопрос совмещения исторического и теоретического в экономических исследованиях. Во втором параграфе в центре внимания окажутся параллели между вопросами импорта институтов и экспорта производственных отношений. Третий параграф посвящен обсуждению взаимодействия институтов и технологий, но в контексте противоречия между производительными силами и производственными отношениями. В четвертом параграфе исследуется вопрос о возможных параллелях между первоначальными представлениями о трансакционных издержках и издержках обращения в «Капитале» Маркса. Наконец, в пятом параграфе в центре внимания — фундаментальный вопрос об абсолютном законе капиталистического накопления в контексте двух ключевых аспектов институтов — координационных и распределительных.

История и теория имеют значение

XIX в. для экономической науки ознаменовался мучительными поисками наилучшего сочетания исторического и теоретического в исследованиях. Достаточно вспомнить спор о методе (*Methodenstreit*), который разделил два направления европейской экономической мысли — с одной стороны, маржиналистов, а с другой — новую историческую школу. Квинт-эссенцией спора было разное понимание приемлемого подхода к исследованию общественных явлений. Если маржиналисты во главе с Карлом Менгером отмечали приоритет теории, то представители новой исторической школы — в первую очередь их лидер Густав Шмоллер — настаивали на приоритете индуктивного метода, отталкивающегося от работы с фактами [Менгер, 1992, 2005; Шмоллер, 1902].

Стоит отметить, что хотя данный спор и считается завершенным в середине 80-х гг. XIX в., по сути, он продолжился и в XX в. с развитием институциональной экономики, но уже с участием такого яркого представителя американского институционализма, как Торстейн Веблен, сформировавшийся как исследователь под влиянием новой исторической школы. В настоящее время противостояние современных традиционных институционалистов и сторонников неоклассического метода в исследованиях, который в микроэкономической части является наследником школы маржинализма (австрийской и англо-американской), продолжается, что особенно заметно по выступлениям представителей современного традиционного институционализма, например, Джеффри Ходжсона в плане критики неоклассической исследовательской программы [Hodgson, 1988].

Могут спросить, при чем тут Маркс и «Капитал»? Прямо в дискуссиях Маркс если и упоминается, то мимоходом. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что Марксом предложен третий вариант построения исследования общественных явлений, который позволяет представить в теоретическом образе объекта исследования и его историю, но в особой форме. Напомним, что цель, которую поставил перед собой Маркс в «Капитале», первый том которого увидел свет в 1867 г., — открыть экономический закон движения современного ему общества [Маркс, 1983, с. 10]. Вместе с тем изучение первого отдела первого тома «Капитала», который в целом был посвящен исследованию процесса производства капитала, неопытного читателя может поставить в тупик.

О каком капитализме может идти речь, если обсуждаются товар, товарообмен, деньги (первый отдел первого тома «Капитала»), а о капитале, в общем-то, ни слова. Ведь и товары, и товарообмен, и деньги существовали задолго до того периода истории, который принято считать эрой капитализма. Может быть, этот отдел посвящен простому товарному производству, которое предшествовало капитализму? Тем более многие примеры, предложенные в первом отделе, могут быть интерпретированы как намек автора на прошлое.

Вместе с тем на этот вопрос не представляется возможным дать односложный ответ — да или нет. И связано это как раз с тем, что в теории Маркса реализован принцип единства логического и исторического на основе методологических приемов, которые были восприняты молодым Марксом, ставшим в начале своего творческого пути младогегельянцем. Не случайно многие исследователи улавливают удивительные параллели между «Наукой логикой» Гегеля и «Капиталом» Маркса, несмотря на то что критика политической экономии как серия работ была выполнена в более поздний период, когда идеи младогегельянства остались позади, а само отношение Маркса к Гегелю было сформулировано так: «У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно» [Маркс, 1983, с. 22]. И в том числе по этой причине Маркса считали (и считают) «своим» не только многие поколения политикоэкономов, но и философов.

Всеобщность товарной формы отношений между индивидами в условиях капитализма является указанием на «снятие» исторического (прошлого) в современном для Маркса обществе, образцом которого была Англия XIX в.¹ Вот почему примеры, которые приведены в соответствующих разделах, не стоит воспринимать буквально, поскольку речь идет

¹ «Предметом моего исследования в настоящей работе является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и обмена. Классической страной этого способа производства является до сих пор Англия» [Маркс, 1983, с. 6].

лишь о специфической определенности того общества, которое исследует Маркс. Что означает специфическая определенность?

Ответить на этот вопрос не представляется возможным без упоминания метода, примененного Марксом и являющегося наиболее известным в истории экономической науки. Данный метод более известен российскому исследователю как метод восхождения от абстрактного к конкретному. Однако, если обратиться к постановке вопроса самим Марксом, признававшим, что метод исследования не может не отличаться от метода изложения (а в определенном смысле первое даже противоположно второму), все же речь идет о методе исследования в виде движения от конкретного чувственного через абстрактное к конкретному духовному (более подробно об этом — во введении к Экономическим рукописям 1857–1859 гг.). Данный метод позволяет объединить в рамках одного исследования и приемы дедукции, и метод индукции. Более того, товар как отправная точка в изложении исследуемого предмета (в первом параграфе первой главы первого тома «Капитала») определен как всеобщая форма богатства. Является ли этот тезис исходной аксиомой или предметом, требующим доказательства, зависит от того, как оценивать то исследование Маркса, отражение которого мы видим в «Капитале».

Принятый Марксом способ изложения, который действительно выглядит как восхождение от абстрактному к конкретному, вовсе не противоречит подробному обсуждению фактических обстоятельств формирования и развития общественных отношений. Более того, практически в каждой главе «Капитала», особенно в наиболее проработанном первом томе, можно обнаружить результаты подробного исследования фактического материала, например, исследования положения рабочего класса на различных этапах становления капитализма в Англии (в этом плане ближайший соратник Маркса — Фридрих Энгельс провел большую предварительную работу, опубликовав в 1845 г. работу «Положение рабочего класса в Англии», которая оказала большое мотивирующее влияние на последующие исследования самого Маркса, включая «Капитал»). Особенно это относится к главе 13 «Машины и крупная промышленность» и главе 23 «Всеобщий закон капиталистического накопления».

Изложение полученных результатов исследования в форме движения от абстрактному к конкретному предполагает возможность определения одного и того же объекта по-разному в зависимости от степени его конкретизации. Соответственно, уровень абстракции по Марксу может решающим образом влиять на способ представления (определенность) объекта исследования. Проявляется это обстоятельство в неоднозначности определения ключевых понятий, в числе которых, разумеется, и капитал — от всеобщей товарной формы в первой главе к самодвижущейся и самовозрастающей стоимости в четвертой главе первого тома «Капитала» и до общественного отношения в двадцать пятой главе...

В 60-е гг. XX в. при непосредственном участии будущего лауреата премии имени Нобеля по экономике (1993), одного из основоположников новой институциональной экономической теории — Дугласа Норта — были предприняты попытки переосмыслить историю сначала посредством применения количественных методов, а затем — и с помощью методов микроэкономических исследований (в том числе на основе принципа методологического индивидуализма). Достаточно перечислить такие вопросы, как экономические революции (первая — совпавшая по времени с неолитической революцией, а вторая — с промышленной), связанные с появлением исключительных прав в принципе и прав на результаты интеллектуальной деятельности во втором случае [North, 1981], система открытых полей [McCloskey, 1975], издольщина, организация производства на основе принудительного труда [Эггертссон, 2001] и т.д.

С учетом того обстоятельства, что во второй половине XX в. уже никто не претендовал на то, чтобы в одной работе обозреть и раскрыть все основные проблемы развития современного общества с соблюдением современных стандартов исследований, можно предположить, что новая экономическая история в известном смысле восприняла более сложное соотношение исторического и теоретического, чем это было в известном споре о методе. И, возможно, отчасти это связано с тем, что один из основателей новой экономической истории в начале своей творческой деятельности увлекся работами Маркса, как Маркс — работами Гегеля. Причем Норт, называя себя в молодости марксистом, в то же время не причислял себя к коммунистам [North, 1995, 2009].

Какие выводы стоит извлечь из сказанного? Перечислим лишь некоторые из них.

Во-первых, история действительно имеет значение, так как она влияет на характеристики настоящего, позволяя в том числе в форме его теоретической реконструкции увидеть важные характеристики общественных отношений прошлого. В определенном смысле этот прием может быть использован для интерпретации феномена, который известен в институциональных исследованиях как зависимость от траектории предшествующего развития, или «эффект колеи» [David, 1985].

Во-вторых, обсуждение современных отношений допускает различное определение одного и того же объекта в зависимости от контекста (в том числе от степени его конкретизации, примененной в исследовании). В этой связи стоит вспомнить, что один и тот же объект в рамках нового институционализма — например, фирма — может быть определен и как организация, и как институт, по поводу чего даже в этой школе можно было наблюдать жаркие споры (например, между Дугласом Нортом и Оливером Уильямсоном). И в таком подходе нет никакого противоречия. Вместе с тем он требует гораздо более тонкой работы в це-

лях избегания банальных ошибок, связанных с формально-логическими противоречиями.

В-третьих, важнейшим условием систематического исследования объекта является четкая работа с предпосылками, последовательное ослабление которых ведет к появлению таких ракурсов исследуемого объекта, которые были бы незаметны в противном случае. С этой точки зрения новое прочтение фактов, так же как и выявление новых фактов, позволяет иначе оценить привычные формы организации производства, что более подробно можно увидеть, например, в [Эггертссон, 2001]. В этой связи стоит вспомнить, что, именно работая с фактическим материалом, можно избежать казуса, который фактически стал основанием для названия одной из работ Рональда Коуза — «Маяк в экономической теории». Именно в данной работе был развенчан миф о том, что маяки являются хорошим учебниковым примером провала рынка в сфере производства общественных благ [Коуз, 1993], хотя и позиция Коуза по данному вопросу в других исследованиях [Block, Barnett II, 2009] также была подвергнута критике, в том числе с точки зрения вопроса об источниках средств строительства маяков и точном правовом статусе компании, предоставляющей услуги маяков.

«Вопрос на засыпку»: теория колонизации и заимствование институтов

В прошлом один из вопросов, который ставил в тупик многих студентов, изучавших «Капитал» Маркса, предполагал знание количества глав в первом томе. Многие считали, что в нем 24 главы, тогда как на самом деле их 25. Такой ответ можно объяснить тем, что в 24-й главе были исследованы вопросы первоначального накопления капитала. В свою очередь, последняя глава была посвящена абсолютно периферийному вопросу — современной теории колонизации, в которой, по сути, описывался естественный эксперимент, в рамках которого элементы производительных сил — рабочая сила и средства труда — перевозились в Северную Америку из Европы с расчетом на то, что производство будет легче организовать на новом континенте, чем в тогда уже довольно плотно населенной Европе [Маркс, 1983].

Однако, как известно, эксперимент закончился неудачно, по крайней мере на первых порах: рабочие разбегались, как только ступали с корабля на землю. И разбегались они потому, что были более доступные, чем в Европе (и, очевидно, более привлекательные), альтернативы. В первую очередь — свободная земля. Этот эпизод использовался Марксом для того, чтобы показать, что просто так перенести в другие условия производственные отношения нельзя.

Причем речь шла о переносе не законов, а элементов производительных сил, в числе которых была рабочая сила, носители которой во многих случаях уже имели опыт вовлеченности в производственные отношения, которые современные исследователи могли бы охарактеризовать в терминах институтов — формальных и неформальных правил, созданных людьми и выполняющих функцию ограничений в ситуации выбора наряду с механизмами, обеспечивающими соблюдение указанных правил [Норт, 1997].

Теория колонизации Эдуарда Уэйкфилда, которую в 25-й главе первого тома «Капитала» разбирает Маркс, выводит на очень важные умозаключения, которые касаются в том числе множества практических вопросов проектирования отношений, так же как и институтов и связанных с ними распределительных эффектов для разных групп (в «Капитале» — экспортированный рабочий класс и капиталисты). Направлен ли экспорт (импорт) институтов на увеличение общественного благосостояния или же речь идет о выигрышах отдельных групп? При каких условиях экспорт отношений может в целом соответствовать ожиданиям проектировщиков?

Опираясь на более современные подходы к исследованиям, можно было бы сделать ряд предположений относительно полученного эффекта предпринятой попытки экспорта производственных отношений.

Во-первых, можно предположить действие механизма самоотбора, когда из Европы переселялись преимущественно люди с большим индивидуализмом, меньшим избеганием неопределенности — и как следствие, с меньшим «чувством зависимости».

Во-вторых, перемещение в Северную Америку фактически приводило к эффекту ослабления гарантов формальных и неформальных институтов, поддерживающих сложившиеся в Европе производственные отношения.

В-третьих, перемещение из Европы в Америку было равнозначно шок-овому изменению экономических условий, которое, в свою очередь, могло приводить к запуску институциональных изменений почти сразу после переезда работников.

Этот урок был лишь отчасти усвоен современными исследователями и в еще меньшей степени — политиками, поскольку в конце XX в. именно в силу решения масштабных задач трансформации в рамках ограниченного периода времени можно было наблюдать практику заимствования институтов, которая теперь больше известна как импорт институтов, некоторые из которых пытались сформировать по схеме «copy-paste». Однако именно в рамках новой институциональной экономической теории еще до полученных результатов системной трансформации, прежде всего в СССР и странах Восточной Европы, была показана проблематичность такого способа преднамеренных институциональных изменений — на примере стран Латинской Америки, которые взяли за образец для разработки своих основных законов Конституцию США [Норт, 1997]. Разумеется, в данном случае речь шла не о географическом перемещении элементов

производительных сил и создании на их основе производственных отношений, как в Европе XIX в., а о попытке создания формальных правил и соответствующих им отношений, которые, по идее, должны были бы обеспечить соответствующий уровень производительных сил, а в современной терминологии — ресурсов и технологии.

В то же время наряду с такой практикой колонизации сформировались теории, которые основывались на более реалистичном и взвешенном подходе к заимствованиям, в том числе основываясь на критическом переосмыслении накопленного опыта. В частности, рекомендации Уэйкфилда по изменению правила распределения земель были направлены на выравнивание экономических институтов в Европе и колониях. И здесь можно предположить, что выравнивание экономических правил (условий) при схожести конституционных и надконституционных правил способствовало бы более успешному переносу производственных отношений.

В современной экономической литературе в первую очередь речь идет о концепции трансплантации институтов [Полтерович, 2001, 2007], которую также можно было бы считать разновидностью теории импорта институтов, но в целях обозначения самостоятельной практической значимости накопленного опыта и идей, которые, как оказывается, имеют и аналоги в далеком прошлом, стоит разграничивать два указанных понятия — импорт институтов и их трансплантацию.

Иллюстрация, представленная Марксом в 25-й главе первого тома «Капитала», позволяет сформулировать ряд тезисов, которые кажутся тривиальными, но их применение в исследованиях и особенно в части построения экономической политики сопряжено с необходимостью ответа на комплексные вызовы, на которые у создателей «Вашингтонского консенсуса», например, не нашлось необходимых ответов.

Во-первых, перенести производственные отношения из одной страны в другую за очень редким исключением просто так — дешево, результативно, без серьезных побочных эффектов — не получится. Соответственно, проектировщики институтов (как аналога производственных отношений в контексте исследований Маркса), желающие сэкономить на определении исходных условий страны-донора и страны-реципиента, в период запуска трансформации должны быть готовыми к тому, что почти с гарантией «что-то пойдет не так».

Во-вторых, можно снизить вероятность отклонения фактического от ожидаемого, но для этого потребуются исследовать комплекс вопросов, касающихся сопряженности одних отношений с другими, одних институтов с другими. Иными словами, перенос отдельных институтов предполагает набор действий по их вживлению в сложившуюся ткань общественных отношений (совокупности институтов), включая прояснение

и таких вопросов, как необходимость и масштабы осуществления компенсационных трансакций [Edwards, Lederman, 1998].

Более того, в-третьих, существует соответствие между уровнем развития производительных сил и характером производственных отношений. Действительно, трудно себе представить отношения в развитых странах мира для состояния производительных сил, где даже не было еще парового двигателя. Однако из принципа соответствия не стоит делать вывод о том, что указанное соответствие означает просто тот факт, что определенным производственным отношениям (институтам) наилучшим (из известных вариантов) образом подходят производительные силы (которые могут быть описаны в терминах ресурсов и технологий или технологических укладов), и наоборот. Данный вопрос более подробно будет обсуждаться в следующем разделе.

Институты и технологии

Базовая идея в части объяснения структуры общества по Марксу состоит в том, что экономический базис общества, над которым возвышается политическая надстройка, состоит из производительных сил и производственных отношений. Уровень производительных сил определяет уровень развития производственных отношений, и в конечном счете можно было бы говорить о соответствии между производительными силами и производственными отношениями и отличиях одной формы общественного производства от другой именно по набору соответствующих друг другу производительных сил и производственных отношений.

Однако в контексте не формационного подхода, в рамках которого выделяют в зависимости от принятого варианта три или пять общественных формаций, а на более коротких интервалах (с учетом, например, четырехуровневой схемы социального анализа Оливера Уильямсона [Williamson, 2000], в которой институциональный анализ применяется в том числе для объяснения источников и направлений изменения институциональной среды) — можно ли говорить об однозначности соотношения производительных сил и производственных отношений? То, что кажется в одном временном измерении статическим, в другом может быть представлено в терминах движения.

Применительно к соотношению производительных сил и производственных отношений существуют разные варианты объяснения их соответствия. Один из них, который условно можно было бы назвать технологическим детерминизмом, основан на идее приоритетного влияния характеристик производительных сил на свойства производственных отношений. Иначе говоря, развитие производительных сил обуславливает формирование соответствующих им производственных отношений.

Оборотной стороной данного тезиса может быть, по видимости, другой вариант, который основан на идее ведущей роли производственных отношений, которая проявляется в том, что они ограничивают развитие производительных сил. Иными словами, создание производственных отношений «на вырост», отталкиваясь от данного тезиса, невозможно. Чем это может быть обусловлено? Во-первых, ограниченными возможностями достоверного предсказания, предвидения развития производительных сил. Причем в такой степени, чтобы своевременно можно было бы создать условия для корректировки и производственных отношений. Какое это имеет отношение к современным условиям и тем более институциональному анализу, являющемуся в данной статье тем фоном, на котором рассматриваются идеи Маркса?

На самом деле имеет. Обсуждение комплекса вопросов взаимодействия производительных сил и производственных отношений можно обнаружить и за пределами марксизма как особой исследовательской традиции (мы в данном случае не обсуждаем, в какой мере марксизм может быть признан исследовательской программой), но с применением других концепций, а именно: институтов, технологий и ресурсов. Институты, которые нельзя отождествлять с правилами, поскольку они включают механизмы, обеспечивающие их соблюдение, указывают на отношения между людьми и группами людей, формируя экономическую структуру общества, тогда как технологии и ресурсы — элементы экономической системы. В рамках системного подхода к исследованию общества такое определение вполне соответствует представлению о производственных отношениях как структуре, а производительных силах — совокупности элементов (составе системы).

Если предположить, что человечество научилось с достаточно высокой степенью надежности предсказывать по крайней мере относительно близкое будущее технологий и характеристик ресурсов, то, возможно, и в части решения задачи проектирования институтов также можно было бы обеспечить соответствующую систему проектирования. Однако есть второе обстоятельство, которое может стать серьезным препятствием для реализации данной идеи, нашедшей отражение в достижениях технологического форсайта, о чем см., например, в [Кинэн, 2009]. Это соотношение интересов и переговорной силы отдельных групп в обществе, которые могут не совпадать с условиями, выполнение которых необходимо для более динамичного технологического прогресса. В частности, речь может идти о тонкой настройке институтов, которые обеспечивают, с одной стороны, гарантии инноваторам в части доходности инвестиций, но, с другой стороны, создают условия для доступа к результатам интеллектуальной деятельности, особенно в тех случаях, когда нововведения являются кумулятивными (каждое последующее нововведение в плане осуществимости зависит от предыдущего).

Как отмечал Норт [North, 1981], в подходе Маркса удалось учесть все элементы долгосрочной экономической динамики, включая институты, права собственности, государство и даже идеологию, хотя именно технологические изменения (т.е. то, что характеризует в первую очередь состояние производительных сил. — *А. III.*) приводят систему в движение. Однако сами изменения в технологии сопровождаются и реализуются через классовые конфликты [North, 1981, р. 61] и по большому счету могут быть описаны через призму производственных отношений. Ограничение, с которым здесь сталкивается современный исследователь, связано с тем, что техника анализа отношений в контексте взаимодействия классов упускает из виду множество важных аспектов, хотя и совсем необязательно отменяет важность идеи о классовом подходе. В их числе — взаимоотношения между различными группами участников экономического оборота, которых по классификации Маркса можно было бы записать в класс капиталистов. Однако в обстоятельствах, имеющих отношение к нововведениям на основе использования прав на результаты интеллектуальной деятельности — института, который ознаменовал собой вторую экономическую революцию по Норту [North, 1981], они могут оказаться с фундаментально противоположными интересами.

Подводя итог обсуждению вопроса взаимодействия институтов и технологий в контексте противоречия между производительными силами и производственными отношениями, можно сформулировать для обсуждения ряд тезисов.

Во-первых, есть основания указать на соответствие между двумя парами понятий, с одной стороны, производительными силами и производственными отношениями, а с другой — технологиями и институтами, что открывает возможности применения некоторых приемов в исследовании первой пары для исследования второй.

Во-вторых, исследование, так же как и проектирование институтов (с нормативным аспектом исследования институтов), требует информации о доступных технологиях и наличных ресурсах. В этой связи есть основание считать, что, как правило, институты проблематично создавать «на вырост», так же как и производственные отношения для развития производительных сил, хотя абсолютным данный принцип назвать в то же время нельзя, и он может быть использован как важный контрольный пункт в проектировании обозримого будущего.

В-третьих, соотношение между элементами в двух парах могут быть подкорректировано, если улучшится возможность технологического прогноза и станут более доступными транзакционные технологии согласования интересов разнородных групп (в том числе в рамках институционального проектирования), включая вопросы реализуемости компенсационных транзакций.

Производственные отношения и издержки обращения vs. институты и трансакционные издержки

Заслуга Рональда Коуза — одного из основателей новой институциональной экономической теории — состоит в том, что именно его работы инициировали формирование направления в исследованиях, которое в явном виде и систематически интегрировало трансакционные издержки в предмет исследования, связав их, с одной стороны, с институтами, а с другой — с технологиями (трансакционными и трансформационными). Напомним, что именно в статье «Природа фирмы», опубликованной в 1937 г., издержки использования механизма цен — именно так первоначально их трактовал автор данной работы — применялись для ответа на вопрос, почему вообще существуют фирмы [Коуз, 1993]. Прежние исследования в неоклассическом ключе вопрос о трансакционных издержках, как кажется, обходили стороной.

В какой мере открытие трансакционных издержек было радикальным нововведением в экономических исследованиях? Для ответа на поставленный вопрос полезно будет вспомнить, что существуют разные подходы к определению трансакционных издержек, включая и аналогии. В частности, Кеннет Эрроу рассматривал трансакционные издержки как издержки эксплуатации экономической системы [Arrow, 1970] аналогично силе трения в физических системах.

А саму экономическую систему можно представить без трения? А как тогда рассматривать теорему Коуза? Следуя аналогиям, контекст таков, что трансакционные издержки — источник (пусть и неизбежный) потерь в благосостоянии по сравнению с миром нулевых трансакционных издержек. И здесь возникают удивительные параллели с издержками обращения по Марксу, которые рассмотрены во втором томе «Капитала», посвященном процессу обращения.

Вот что пишет Маркс об издержках обращения и связанной с ними деятельностью торговцев: «Возможно, что один купец (рассматриваемый здесь просто как агент превращения формы товаров, только как покупатель и продавец) посредством своих операций сокращает для многих производителей то время, которое они затрачивали на куплю и продажу. В таком случае его можно рассматривать как машину, уменьшающую бесполезную затрату силы или помогающую высвободить время для производства... время, затрачиваемое на куплю и продажу, является издержками обращения, ничего не прибавляющими к совершающим свое превращение стоимостям. Это — издержки, необходимые для того, чтобы превратить стоимости из товарной формы в денежную форму» [Маркс, 1961, с. 149–150].

Но ведь то вознаграждение, которое получают купцы за превращение формы товаров, очень похоже на то, что Харолд Демсетц в его

исследовании 1968 г., посвященном количественной оценке транзакционных издержек на Нью-Йоркской фондовой бирже, рассматривал как доход брокеров, обеспечивающих минимизацию времени ожидания продавцами и покупателями ценных бумаг (в данном случае — акций) в совершении сделки, что вместе с тем приводило к возникновению спреда — разницы между ценой покупки и продажи акции [Demsetz, 1968].

В «Капитале» Маркса издержки обращения в форме затрат времени на куплю и продажу либо ведение бухгалтерского учета или использование денег для организации обменов (и связанное с этим отвлечение ресурсов от других видов деятельности) были квалифицированы как непроизводительные издержки, являющиеся хотя и необходимыми, но вместе с тем вычетом из общественного богатства. С этой точки зрения просматривается один из аспектов, тесно связанный с нормативными — и надо сказать, далеко не всегда верными (по причине значимости не только общей величины, но и структуры) — выводами многих исследований, которые увязывают повышение эффективности со снижением транзакционных издержек.

На наш взгляд, именно в этом примере можно обнаружить особенность теории трудовой стоимости, в которой обмен не может быть признан производительным (что нельзя отождествлять с отрицанием его необходимости в условиях развитого общественного разделения труда), тогда как в рамках традиции исследований, основанной на индивидуальном выборе человека, максимизирующего полезность, создание такой полезности вполне возможно и посредством обмена.

Этот аспект позволяет объяснить, почему все-таки издержки производства по Норту включают не только трансформационные, но и транзакционные издержки. Более того, дальнейшее обсуждение статуса транзакционных издержек во взаимосвязи с институтами и технологиями приводит еще к одному важному выводу, который в работах Маркса не получил развития, хотя и был обозначен: влияние производственных отношений как на суммарные выигрыши основных групп населения, так и распределение этих выигрышей между группами.

Обсуждение вопросов соотношения издержек обращения и транзакционных издержек в контексте соотношения производственных отношений и институтов дает основание для выводов в отношении истории экономической мысли, когда спонтанный параллелизм в обсуждении тех или иных вопросов позволяет оценить, с одной стороны, их значимость, а с другой — понять, почему одни и те же категории могут получать столь разное содержательное наполнение, в том числе и в таких важных измерениях, как создание ценности и эффективности размещения ресурсов.

Координационные и распределительные аспекты институтов: действует ли в современном мире всеобщий закон капиталистического накопления?

Рассматриваемые в предыдущих разделах вопросы взаимодействия производительных сил и производственных отношений, институтов и технологий тесно связаны с объяснением основного противоречия капитализма в рамках общей формулировки: «...противоречие способа производства, в котором структура собственности несовместима с реализацией потенциальных выгод от разворачивающегося ряда технологических изменений» [North, 1981, p. 28]. Идея, выраженная таким образом, более известна российскому исследователю как противоречие между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения его результатов, которое, по идее, должно приводить если не к абсолютному, то к относительному обнищанию широких слоев населения:

«Чем больше общественное богатство, функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше абсолютная величина пролетариата и производительная сила его труда, тем больше промышленная резервная армия. ...относительная величина промышленной резервной армии возрастает вместе с возрастанием сил богатства. Но чем больше эта резервная армия по сравнению с активной рабочей армией, тем обширнее постоянное перенаселение, нищета которого прямо пропорциональна мукам труда активной рабочей армии. Наконец, чем больше нищенские слои рабочего класса и промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. Это — абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления» [Маркс, 1983, с. 659].

Данный принцип, если убрать крайности формулировок в части положения рабочего класса, вполне соответствует идеям современных авторов, объясняющих институциональные изменения с учетом взаимодействия социальных групп с различными интересами. В частности, речь идет о соотношении координационных аспектов институтов, которые в первом приближении соответствуют «эффективностным» характеристикам результатов экономической динамики (в том числе в части роста общественного богатства) и распределительных аспектов, которые указывают на то, какие выигрыши получают в контексте данной динамики разные социальные группы. В работе Джека Найта, например, продемонстрировано, что координационные свойства институтов являются побочным результатом разрешения распределительных конфликтов [Knight, 1992] между группами с определенными интересами. Данный пункт указывает на то, какой из аспектов институтов оказывается приоритетным с точки зрения фокуса действий групп интересов.

Вместе с тем один из фундаментальных принципов, заложенных Марксом в основу исследования капиталистического общества XIX в., — принцип следования собственным интересам (вслед за Адамом Смитом),

хотя далеко не всегда отчетливо и последовательно именно ввиду того, что проблема коллективных действий в рамках больших (или латентных по Олсону) групп людей (классов) [Олсон, 1995] подробно не рассматривалась. Лишь в ряде случаев можно было бы говорить о различиях интересов капиталиста как представителя класса и как отдельного индивида. Например, применительно к проблеме добавочной прибавочной стоимости [Маркс, 1983, с. 328–329], которая может возникать в условиях нововведений и исчезать по мере их распространения среди конкурентов.

Следование собственным эгоистическим интересам (альтруизма не было даже в случае принятия фабричных законов, ограничивавших жесткость эксплуатации рабочего класса ввиду ухудшения его качественных характеристик и возможность извлечения прибавочной стоимости¹) совсем необязательно соответствует созданию благоприятных условий для роста производительных сил, развития технологий и, наконец, для экономического развития в целом. Данный тезис указывает на непростое соотношение координационных аспектов институтов, отражающих общий выигрыш (в том числе относительно возможного), и распределительных свойств, отвечающих на вопрос, какие группы и почему оказываются в более выигрышном положении, а какие — проигрывают. Причем как в глобальной перспективе, так и применительно к более ограниченным и локальным сферам отношений.

В рамках данной работы мы не обсуждаем доступные данные, которые могли бы использоваться в качестве иллюстрации за или против действия данного закона в современных условиях. Тем более что в других исследованиях этому вопросу уделяется много внимания. Однако прежде чем переходить к заключению и общим выводам, стоит отметить, что в работах Маркса можно обнаружить видение институциональной динамики, которая была представлена в работе Норта (1997), опубликованной в самом начале 90-х гг. XX в., в которой автор отказался от жесткой привязки формирования и воспроизводства институтов в контексте решения проблемы эффективности и сформулировал идею, в соответствии с которой институты создают смешанные сигналы, приводящие к действиям, которые направлены на получение выигрышей влиятельными группами.

Вместо заключения

Какое место в современных и будущих исследованиях будут занимать если не концепции в их оригинальном изложении, то подходы, предло-

¹ И в этом случае видны интересные параллели, связывающие, например, идею формального и реального подчинения труда капиталу и проблему исчерпания ограниченного ресурса, если режим доступа к нему не отрегулирован таким образом, чтобы пользователи (в данном случае — капиталисты) учитывали в своих решениях отрицательные последствия в форме перекрестных негативных экстерналий.

женные Карлом Марксом в рамках изучения современного ему общества? Не исключено, что нас ожидает повторное (а точнее — очередное) открытие Маркса для широких исследований современного общества, как это произошло с трудами Адама Смита в западных странах в конце 60-х — начале 70-х гг. прошлого века. Отчасти мы находим этому подтверждение, когда современные авторы, основываясь на разработках великого предшественника, пытаются дать оценку тем тенденциям, которые были выявлены Марксом. Тем самым подтверждается актуальность той глобальной повестки дня исследований, которая была сформирована им в XIX в. Однако актуальность поставленных Марксом вопросов и «высокое кровавое» давление, о котором пишет Блауг, еще не дает достаточных оснований утверждать, что сама Марксова теория будет востребована. Как отмечал Коуз применительно к своим работам, их часто цитировали, но мало использовали.

Возможно, для включения наследия Маркса в более явном виде в современный дискурс потребуется преодолеть ряд барьеров, которые связаны в том числе со значительными издержками перевода и неизбежными искажениями смыслов при попытке установить соответствия и оценить возможность применения тех приемов, которые использовал автор «Капитала», но уже для современных реалий первой половины XXI в. В этой связи один из практических вопросов, который стоит обсудить в университетах, где накоплен значительных багаж изучения творчества Маркса: каким образом можно было бы встроить изучение его работ в учебный процесс (для студентов старших курсов и аспирантов), понимая, что есть разные альтернативы, начиная с обособленного, автономного изучения в отрыве от других дисциплин и заканчивая интеграцией (не путать с синтезом), позволяющей студентам улавливать параллели и не бояться оперировать разнородным категориальным аппаратом в поисках новых поворотов в развитии экономической теории?

Автор выражает искреннюю признательность Н. П. Иващенко, А. А. Курдину, Е. Н. Никишиной, Н. С. Павловой, Л. А. Тутову, А. А. Шашитко за внимание, комментарии, рекомендации и общую поддержку в написании работы. Все неточности и оставшиеся ошибки, разумеется, следует отнести на счет автора.

Список литературы

1. Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе. — М.: Дело Лтд, 1994.
2. Кинэн М. Технологический форсайт: международный опыт // Форсайт. — 2009. — Т. 3. — № 3. — С. 60–68.
3. Коуз Р. Фирма, рынок и право. — М.: Дело, 1993.
4. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. — М.: Политиздат, 1983. Т. 1.

5. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 2 // Собр. соч. Т. 24. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
6. *Маркс К.* Введение (из экономических рукописей 1857–1858 годов) // Собр. соч. Изд. 2. Т. 12. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1958.
7. *Менгер К.* Основания политической экономии // Австрийская школа в политической экономии / К. Менгер, Е. Бём-Баверк, Ф. Визер. — М.: Экономика, 1992.
8. *Менгер К.* Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // К. Менгер. Избранные работы. — М.: Изд. дом «Территория будущего», 2005. — С. 289–495.
9. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. — М.: Начала, 1997.
10. *Олсон М.* Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. — М.: Фонд экономической инициативы, 1995.
11. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
12. *Полтерович В. М.* Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России. — 2001. — № 3.
13. *Полтерович В. М.* Элементы теории реформ. — М.: Экономика, 2007.
14. *Эггертссон Т.* Экономическое поведение и институты. — М.: Дело, 2001.
15. *Энгельс Ф.* Положение рабочего класса в Англии. По собственным наблюдениям и достоверным источникам / К. Маркс, Ф. Энгельс. Собр. соч. 2-е изд. Т. 2. — М., 1955. — С. 231–517.
16. *Шмоллер Г.* Народное хозяйство, наука о народном хозяйстве и ее методы. Хозяйство, нравы и право. Разделение труда. — М.: К. Т. Солдатенков, 1902.
17. *Arrow K. J.* The Organization of Economic Activity: Issues Pertinent to the Choice of Market versus Non-market Allocation. In *Public Expenditure and Policy Analysis*, eds. R. H. Haverman and J. Margolis, 51–73. — Chicago, IL: Markham, 1970.
18. *Block W., Barnett II W.* Coase and Bertrand on lighthouses // *Public Choice*. — 2009. — Vol. 140. — No. 1–2. — P. 1–13.
19. *David P. A.* Clio and the Economics of QWERTY // *American Economic Review*. — 1985. — Vol. 75(2). — P. 332–337.
20. *Demsetz H.* Cost of Transacting // *Quarterly Journal of Economics*. — 1968. — Vol. 81. — No. 1. — P. 33–53.
21. *Edwards S., Lederman D.* The Political Economy of Unilateral Trade Liberalization: The Case of Chile. In: *Going Alone: The Case for Relaxed Reciprocity* / Ed. by Bhagwati J. Cambridge, Mass., and Washington, D.C.: MIT Press and American Enterprise Institute, 1998.
22. *Hodgson J. M.* Economics and Institutions: A Manifesto for a Modern Institutional Economics. — Polity Press, Cambridge, and University of Pennsylvania Press, Philadelphia, 1988.
23. *Knight J.* Institutions and Social Conflict. — Cambridge: Cambridge University Press, 1992.
24. *McCloskey D. N.* The Persistence of English Common Fields. In Parker, William N; Jones, Eric L. *European Peasants and Their Markets: Essays in Agrarian Economic History*, 1975. — P. 73–119.
25. *McCloskey D. N.* Does the Past Have Useful Economics? // *The Journal of Economic Literature*. — 1976. — June. — Vol. 14. — No. 2. — P. 434–461.

26. *North D.* Structure and change in economic history. — N. Y.: Norton, 1981.
27. *North D. C.* Autobiographical chapter in *Lives of the Laureates: Thirteen Nobel Economists*, 3rd ed., eds. William Breit and Roger W. Spencer, Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995. — 251–267.
28. *North D. C.* Interview by Karen Ilse Horn. In *Roads to Wisdom: Conversations with Ten Nobel Laureates in Economics* by Horn. — Cheltenham, UK: Edward Elgar, 2009. — 153–172.
29. *Williamson O. E.* The New Institutional Economics: Taking stock, looking ahead. // *Journal of Economic Literature*. — 2000. — Vol. 38. — P. 595–613.

The List of References in Cyrillic Transliterated into Latin Alphabet

1. *Blaug M.* Ekonomicheskaya mysl' v retrospektive. — M.: Delo Ltd, 1994.
2. *Kinen M.* Tekhnologicheskij Forsajt: mezhdunarodnyj opyt // *Forsajt*. — 2009. — T. 3. — № 3. — S. 60–68.
3. *Kouz R.* Firma, rynek i pravo. — M.: Delo, 1993.
4. *Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 1. — M.: Politizdat, 1983.
5. *Marks K.* Kapital. Kritika politicheskoy ekonomii. T. 2 // *Sobr. soch.* T. 24. — M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1961.
6. *Marks K.* Vvedenie (Iz ekonomicheskikh rukopisej 1857–1858 godov) // *Sobr. soch.* Izd. 2. T. 12. — M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958.
7. *Menger K.* Osnovaniya politicheskoy ekonomii // *Avstrijskaya shkola v politicheskoy ekonomii*: K. Menger, E. Byom-Baverk, F. Vizer. — M.: Ekonomika, 1992.
8. *Menger K.* Issledovaniya o metodah social'nyh nauk i politicheskoy ekonomii v osobennosti // K. Menger. *Izbrannye raboty*. — M.: Izdatel'skij dom «Territoriya budushchego», 2005. — S. 289–495.
9. *Nort D.* Instituty, institucional'nye izmeneniya i funkcionirovanie ekonomiki. — M.: Nachala, 1997.
10. *Olson M.* Logika kolektivnyh deystvij. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp. — M.: Fond Ekonomicheskoy Inicijaty, 1995.
11. *Piketti T.* Kapital v XXI veke. — M.: Ad Marginem Press, 2015.
12. *Polterovich V. M.* Transplantaciya ekonomicheskikh institutov // *Ekonomicheskaya nauka sovremennoj Rossii*. — 2001. — № 3.
13. *Polterovich V. M.* Elementy teorii reform. — M.: Ekonomika, 2007.
14. *Eggertsson T.* Ekonomicheskoe povedenie i instituty. — M.: Izdatel'stvo Delo, 2001.
15. *Engel's F.* Polozhenie rabocheho klassa v Anglii. Po sobstvennym nablyudeniyam i dostovernym istochnikam / K. Marks, F. Engel's. *Sobr. soch.* 2-e izd. T. 2. — M., 1955. — S. 231–517.
16. *Shmoller G.* Narodnoe hozyaistvo, nauka o narodnom hozyaistve i ee metody. Hozyaistvo, navy i pravo. Razdelenie truda. — M.: K. T. Soldatenkov, 1902.